

Константин Васильевич Санин

Горошина

Весна 1942 года. В нашей квартире осталось в живых четыре человека: я (мне скоро исполнится 2 года), мой брат (ему 6 лет), мама и соседка тетя Женя. Все дома и собрались в центральной комнате, где стоит «буржуйка», греемся. День солнечный и тихо, не бомбят. Окна квартиры выходят на Гулярную улицу (ныне ул. Лизы Чайкиной). Уже апрель, снег стаял, но холодно и посередине улицы громадная замерзшая лужа. С улицы раздается крик, скорее, истошный вопль. Мы подходим к окнам: в луже, на льду стоит на коленях женщина и царапает ногтями лед, явно стараясь что-то достать. Она очень громко и истошно кричит, так продолжается несколько минут. Мама и тетя Женя собираются вниз помочь женщине. Но на улице появляются два человека, они поднимают женщину со льда и уводят под руки. Мама и тетя Женя всё равно идут вниз, чтобы поискать какого-нибудь топлива. Мы с братом видим, как они стоят внизу на луже и что-то разглядывают. Через полчаса они возвращаются и рассказывают, что лед испачкан кровью, а в глубине льда они увидели маленькую зеленую горошину, которая попала в лужу, наверное, еще летом или осенью прошлого года.

Эвакуация

В июне 1942 года я, брат и мама были эвакуированы из осажденного Ленинграда. Наш путь лежал через Ладожское озеро. Плыли мы на небольшом катере, всего более полусотни человек. Места было мало, большая часть людей стояли на палубе, прижавшись друг к другу. Посредине бухты Петрокрепость нас атаковал немецкий истребитель. Это был небольшой, одноместный самолет, он пикировал на катер, набитый женщинами и маленькими детьми, и поливал его из пулемета. К счастью, пилоту явно не хватало опыта, и жертв было немного. Брат, которому сейчас за семьдесят, говорит, что до сих пор помнит задорную, радостную улыбку на лице этого немецкого пилота, молодого парня, который в упор расстреливал катер.

Дальше было длительное путешествие в теплушках на восток, скорее, юго-восток. На одной из остановок, где-то недалеко от Урала, мама выскочила из поезда с котелком за кипятком, чтобы покормить детей горячей баландой из корок хлеба и горсти муки. Пока она стояла в очереди, подошел воинский эшелон, который перекрыл путь к нашему составу, он был очень длинный и не остановился, а медленно двигался в противоположном направлении. Мы с братом остались одни (2 и 6 лет). На наши голодные взгляды люди поворачивались спиной, у них были свои проблемы, мы приготовились умирать. Но через двое с половиной суток маме удалось догнать наш состав, и жизнь продолжилась.

Окончательно мы оказались под Барнаулом, в небольшой деревеньке. Там меня чуть не съела свинья, (на ноге до сих пор большой шрам), когда я выскочил «по нужде» на улицу, но отбили соседи («бог не выдаст, свинья не съест»). На Новый год (1943-й) для детей эвакуированных местные устроили что-то вроде праздника, я «не участвовал» из-за ранения (свинья). Гвоздем праздника была раздача фабричного (не домашнего) печенья, по две штучки на ребенка, таким образом, мой старший брат получил четыре штуки. Но пока он шел домой в землянку, где мы жили, он сам не заметил, как съел все печенье. Мама говорила, что он так рыдал, обнаружив, что съел долю маленького брата, что она опасалась за его разум. Чувство вины передо мной преследовало брата много, много лет.

Самое большое разочарование

Мне уже шесть лет (1946 год), я умею читать. Как я научился этому, никто не может толком вспомнить. Вероятно, благодаря этому умению я многое знаю о «булке!», хотя никогда ее не пробовал. Счастливое будущее во многом у меня и моих друзей ассоциируется с этой «булкой», которую мы будем когда-нибудь есть не только за обедом, но, может быть, и за завтраком. Мама работает на хлебозаводе и черный хлеб у нас есть, он лежит на столе, под полотенцем. Его можно есть без специального разрешения, но не «обжираться». Мама помимо работы на заводе по выходным ходит подрабатывать по знакомым, моет полы, стирает и т. п. Однажды ей в качестве оплаты дают «сайку» (небольшой батон белого хлеба). Я помню эту сайку, одна горбушка отсутствовала. Мама поделила сайку между нами. Я решил получить полное удовольствие. Сначала я хотел насладиться запахом, ведь если черный хлеб так замечательно пахнет, то как же пахнет «булка!». Первое разочарование — сайка явно не свежая, засохшая. Но ничего, насладимся вкусом! Я отрезаю тонкий ломоть кухонным ножом и собираюсь приступить к пиру. Но мне приходит мысль, не слишком ли это жирно. Поэтому я беру черный хлеб, отрезаю два ломтя и делаю бутерброд с куском булки посередине. Теперь можно есть. Но что это? Я не чувствую ничего особенного. Убираю хлеб, ем только «булку» — невкусно, хлеб — вкуснее. Я не уверен: было ли в моей последующей жизни более крупное разочарование.